

Алексей Толстой

на Сюгинском заводе

В 1902 году молодой Алексей Толстой, студент 2-го курса Петербургского технологического института, недавно женившийся на слушательнице медицинских курсов Юлии Рожанской, отправился вместе с женой к своему родственнику по матери Сергею Александровичу Шишкову, владельцу Сюгинского стекольного завода (ныне Можгинский завод „Свет“). Он предполагал совместить приятное с полезным: отдохнуть от учебных занятий, петербургских впечатлений и одновременно пройти практику на заводе своего родственника. Пробывали они там, видимо, от месяца до полутора. Сохранились два письма Толстого этого периода. Они хранятся в Москве в архиве А.Н.Толстого в Институте мировой литературы им. А.М.Горького. Эти письма до сих пор не опубликованы. В них идет речь о дорожных злоключениях Толстых при переезде от Елабуги до Завода, сообщаются впечатления о местности, о природе, о практике на заводе, передаются кое-какие сведения о быте Шишковых.

“Ехали мы, — рассказывает Толстой в письме к матери от 24 июля 1902 года, парходом по Каме до Елабуги. Опоздали на один пароход, сели на другой, но плыть не пришлось, так как сломалась машина. Потом сели на Якимовский пароход. Дорогой вспомнили, что забыли маршрут. В Елабуге пришлось потратить время на расспросы о том, как добраться до Сюгинского завода. От Елабуги ехали на лошадях и протряслись сбоку шоссе, так как шоссе было в ремонте”.

Толстые поселились в комфортабельном доме Шишковых. Это было большое двухэтажное красивое здание с затейливыми деревянными террасами по бокам. Дом был, что называется, полная чаша. Богатая мебель, камин, дорогие картины, ковры, статуи, чучело медведя в прихожей, книги в шкафах из черного дуба в кабинете хозяина — все говорило о барских привычках хозяев. Дом окружал великолепный парк с тенистыми аллеями, цветником, зарослями цветущих кустарников вдоль ограды, преимущественно сирени и жасмина. Воздух был напоен смолистым

запахом сосен и цветущих лип. Перед домом находилась площадка для игры в крокет, и Толстой часто предавался этому развлечению.

Большой любитель природы, Толстой не мог оставаться равнодушным к окружающей его красоте. И великолепие парка, и бесконечные дремучие леса, окружающие Сюгинский завод, сливающиеся с линией горизонта, — все восхищало его. „Климат и местность тут чудные“, „завод не знает никаких эпидемий“ — из июльского письма. В августовском письме он вновь возвращается к этому же: „Но что здесь хорошо, так это климат, понимаете, самая точка, ни тепло, ни холодно, дышать легко, даль прозрачная, очень похоже на наш финляндский климат“. Толстой восхищается не только красотой окружающей природы, но и заводом, и рабочим поселком: „Маленький городок, чрезвычайно хорошо, чисто и аккуратно устроенный, со всеми удобствами“.

В качестве студента-практиканта А.Н.Толстой бывал на заводе, наблюдал за постройкой печи, производил расчеты, делал чертежи, осваивал технологию производства стекла. „Работать уже начал, интересно очень, особенно производство стеклянное“, — пишет он родным уже на третий день пребывания на заводе. А в письме, написанном примерно через месяц, Толстой уже с удовлетворением отмечает, что за это время он успел более или менее детально ознакомиться с производственным процессом, и он уже не кажется ему сложным. В этом же письме он искренне жалеет о том, что самому ему еще не удалось выдуть „ни одной баночки, ибо это трудно“. „Да и к началу работ, когда трубки еще не заняты“, попасть было не очень легко, так как рабочий день начинался очень рано. Брать же стеклодувную трубку у мастера во время работы Толстой не считал удобным, „так как они работают задельно“.

Несомненно, пребывание на Сюгинском заводе, наблюдения за жизнью простого народа, за взаимоотношениями рабочих с предпринимателями, за бытом самих хозяев жизни обогатили жизненный опыт будущего писателя, дали ему знание нравов, психологии, социальных условий жизни, которые впоследствии вместе с другими впечатлениями Толстой использовал в своем художественном творчестве. Так, в романе „Хромой барин“ в образе князя Краснопольского, представителя деградирующего дворянства, человека с изломанной психикой, Толстой воскресил некоторые черты „никудышного“, „кисленького“ „князька“ Хованского, шурина С.А.Шишкова. Нашла свое отражение и личность самого Шишкова в образе буржуазного дельца, афериста и прожектера Сергея Репьева в повести А.Н.Толстого „Мишука Налымов“.